

ОТКРЫТИЕ ШЕКСПИРА

«ВЕСЬ МИР обязан английскому народу за Шекспира», — писал замечательный советский шекспировед М. М. Морозов. И мы не можем с этим не согласиться. Но, как говорят в народе, не та мать, которая родила, а та, которая выкормила. Да, Англия — родина Шекспира, и в этом нет исторической случайности. Богата история народа этой страны, первой крупной европейской державы, разрушившей твердыню феодализма. И в Шекспире прежде всего заговорила многовековая мудрость английского народа. Но в условиях буржуазного общества в этой стране не сумели за более чем четырехвековой период создать достойные условия для расцвета шекспировского театра, раскрыть в полной мере все поистине неисчерпаемые возможности его нравственного и эстетического воздействия на людей.

Глубоко справедлива мысль Виктора Гюго о том, что Англия в долгу перед Шекспиром. «Когда приезжаешь в Англию, — писал он, — первое, что идешь взором, это статуя Шекспира. Вместо нее видишь статую Веллингтона». И Англия занимает далеко не первое место в открытии подлинного Шекспира, великого художника, мудреца, психолога, наставника человечества на всех его путях и дорогах. Достаточно сказать, что в течение более чем столетия имя его было почти забыто на его родине.

Когда великий английский актер XVIII века Гаррик обратился к Шекспиру, он не мог принять его целиком, без поправок. По выражению Г. В. Плеханова, он «облагораживал» Шекспира, устрояя из его произведений целые сцены, например, сцену с могильщиками в «Гамлете», или придельная им счастливое окончание, как в «Короле Лире». И после смерти Гаррика на долгие годы заглухла мысль о постоянном шекспировском репертуаре на родине драматурга в Стратфорде. Правда, на протяжении XIX и XX веков Англия знала немало замечательных актеров и театральных деятелей, которые стремились в меру своего понимания донести до зрителя подлинного Шекспира. К великой чести Англии следует отнести организацию в 1879 году в Стратфорде шекспировского мемориального театра, хорошо известного советскому зрителю по гастрोलю в Москве и в Ленинграде, переименованного в 1961 году

в Королевский шекспировский театр. Однако вплоть до самого последнего времени он существовал на частных началах, не имея поддержки от государства. И то обстоятельство, что развитие английского театра шло на основе частной антрепризы, сказалось самым печальным образом на судьбе великого драматурга в этой стране.

Вокруг наследия Шекспира в Англии, как и в других зарубежных странах, развернулась напряженная борьба, отражающая столкновение различных идеологий. Нередко его драмы становились жертвой модернистских новаций, которые приводили подчас к очень печальным результатам. Для того, чтобы выхолостить, приглушить могучий гуманистический пафос шекспировской драматургии, а иногда просто ради сенсации продельвались безжалостные операции над текстом Шекспира: из него выбрасывались целые сцены, одни герои заменялись другими, изменялся до неузнаваемости ход событий, искажалась идея и смысл главных образов. В одной из постановок «Гамлета», осуществленной балетной лондонской труппой «Сэндлерс Уэллс», действие, например, начинается с похорон Гамлета, а все события представляются как сновидение в загробном мире. В таком звучании «Гамлет» никому не опасен, он не потревожит ничьей совести, он никого не мобилизует на борьбу с социальным злом. В некоторых постановках Гамлет превращен в ультрасовременного молодого человека, выражающего всем своим поведением психическое расстройство. Не только Гамлет, но все образы знаменитой трагедии подвергаются модернизации, грубо попирающей ее глубокий философский замысел.

Накануне второй мировой войны шекспировский репертуар в Англии, как и в других странах Запада, резко сократился. Дело дошло до того, что в одном английском журнале в 1939 году была опубликована под многозначительным названием статья «Гражданская смерть Шекспира». «Шекспир мертв, — читаем мы в этой статье, — и все приложили к этому руку. Наполовину Шекспир убит плохими постановками, и окончательно был убит отсутствием постановок».

Вплоть до последнего времени находит себе сторонников так называемая антишекспировская теория, согласно которой не Шекспир был создателем великих творений, а кто-то

другой, более знатный. Вслед за главными «претендентами» на авторство — Бэконом, Рэзлендом, Дерби — называются все новые и новые имена — драматурга Кристофера Марло, супруги Шекспира Анны Хетевей и даже самой королевы Елизаветы. И несмотря на то, что передовая критика в Англии, коммунистическая пресса делают все, чтобы, опираясь на опыт советского театра и советского шекспироведения, по-новому осмыслить Шекспира, Англия по-прежнему в долгу перед Шекспиром. Сплошь да рядом он просто недоступен английскому народу.

В день 350-летия со дня смерти великого художника и мыслителя мы можем с гордостью сказать, что подлинным наследником Шекспира является советский народ. Сегодня, как и сто лет тому назад, актуально звучат слова И. С. Тургенева, произнесенные им в честь 300-летия со дня рождения Шекспира: «Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир — не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь».

Шекспир вошел в плоть и кровь всех народов нашей Родины. Нет ни одной советской республики, где бы не переводили, не изучали, не ставили на сцене Шекспира. Например, можно написать целые тома о Шекспире в Армении, где еще в конце XIX века выступал в шекспировских ролях крупнейший трагик мирового значения Петрос Адамян. Зрителей разных стран потрясли своей игрой Сирануш, Абелян, Папазян. «Для армянской культуры Шекспир всегда был той сферой, в которой выражались лучшие черты духовной жизни нации», — писал известный театральный деятель Армении Вардан Аджемян. А с какой трогательной любовью относятся к Шекспиру жители Осетии. «И нашему народу, всем осетинам, он дорог и памятен, — пишет Тхапсаев. — Где только не играли мы «Отелло»: в городах, в селениях, в горных аулах».

Мы решительно отвергаем утвердившуюся за рубежом концепцию Шекспира-пессимиста. Нашу передовую мысль не терзали сомнения в принадлежности Шекспиру созданных им творений. Еще Белинский писал о том, что «аристократия таланта не

есть аристократия общества: Шекспир не на паркетe приобрел свой мирообъемлющий взгляд на человеческую природу».

Гений Шекспира, «этого царя драматических поэтов» (Белинский), — это гений, исполненный огромной революционной потенции, вобравший в себя мудрость столетий и опередивший на много веков свое время. Его подлинное открытие стало возможным только в нашу эпоху, эпоху торжества коллективного разума, свободного от сословных, классовых, религиозных и других предрассудков. Ведь стоит только вспомнить, с каким трудом пробивал себе путь Шекспир на до-революционную сцену. Многие его драмы — такие, как «Юлий Цезарь», «Генрих IV», «Ричард III», «Цимбеллин», «Мера за меру», — десятки лет находились под цензурным запретом. Другие не допускались к постановке без значительных переделок. И только после Октябрьской революции в нашей стране, которая заняла первое место по количеству переводов и постановок гениального драматурга, была раскрыта вся шекспировская сила отрицания старого мира, всего бесчеловечного, лживого.

Именно такого Шекспира, мужественного, смелого, унаследовали мы от передовой русской культуры XVIII—XIX веков, от декабристов и Пушкина, от Мочалова, Щепкина, Ермоловой, Ленского, Качалова и других. Уже в сумароковской переделке появляется сильный Гамлет-борец. Настоящий переворот в истолковании этого самого глубокого и популярного образа Шекспира производит Белинский, решительно отвергнувший утвердившуюся на Западе со времен Гете концепцию слабого Гамлета, Гамлета-рефлектика. «Нет, — пишет он, — Гамлет не слабое, бессильное дитя, когда надо действовать свободно, по внутреннему побуждению, даже когда надо губить людей, если только бешенство против них даст достаточно силы на их погубление». Именно такого Гамлета, Гамлета возмущенного, неукротимого создает гениальный современник Белинского П. Мочалов. Его обогащает В. Качалов, который, по словам очевидцев, становится обвинителем современного общества. И вот перед нашими глазами наш современник — Гамлет И. Смоктуновского. Он немногим уступает качаловскому в силе одухотворенности и мочаловскому в силе

протеста, но он более, чем все они, человечен и прост, а главное в том, что он, этот новый Гамлет, не одинок: он с народом.

До сих пор во многих странах Отелло изображают диким ревнивым мавром. В нашей интерпретации восторжествовало в образе Отелло то начало, которое в свое время было чутко схвачено Пушкиным, считавшим, что Отелло не ревнив, что он, напротив, доверчив. Выдающиеся советские актеры А. Остужев и А. Хорава составили новый этап в истории истолкования этого образа. Человечнейший и благороднейший из людей, он раскрывался в плане борьбы за высокий идеал, борьбы за гармоническую личность, за честные, чистые и бескорыстные отношения между людьми, независимо от цвета их кожи, их состояния, положения.

А «Король Лир»? В духе пессимистической концепции Шекспира трактовался Лир большинством наиболее выдающихся исполнителей этой роли за рубежом: Олдриджом, Росси, Сальвини, Поссартом, Барнаем. Везде на сцене можно было увидеть «царственного страдальца», человека, раздавленного жизнью и потерявшего в ней всякий смысл. Но вот появляется в нашем театре другой Лир, который легко расстается с мишурным царством, обретая вместо него нечто более высокое — истину.

Неистребима сила шекспировского гуманизма, способность найти в человеке бездну прекрасного, его гимн во славу бытия с невиданной силой прозвучали в гениальном исполнении Джульетты — Г. Улановой. Их много, наших русских советских открытий Шекспира: Южин, Хмелев, Гоголев, Коонен и другие. Наша страна гордится тем, что впервые в истории великий английский драматург стал повседневной духовной пищей многомиллионного народа, вошел как составной и неотъемлемый элемент в нашу социалистическую культуру.

Да, Шекспир — англичанин, но творчество его принадлежит тем, кто по-настоящему ценит и защищает его, кто вместе с ним отстаивает его гуманистические идеи, кто вместе с ним борется за новую жизнь.

Е. КАЛАПОВА,
доцент, заведующая кафедрой
литературы Магаданского педагогического института.